

Тая Найденко

В моем переводе

Так как вокруг одни товарищи по несчастью, сплошь святые или как минимум измученные люди, нахамить тут буквально некому.

Приходится разговаривать с телевизором, как говорится.

Вот кто-нибудь крикает с экрана моего ноута про «наших западных партнеров», а я в ответ сразу:

– Врешь, козлина! Теперь это *наши* западные партнеры.

Или какой-нибудь роспропаг начинает сокрушаться:

– Очень сложно стало планировать на будущее...

А я ему в ответ радостно:

– И правильно! Нет ведь у вас никакого будущего, сволочь ты эдакая. А похороны свои планировать неохота, да?

Недавно один вонючка в экране договорился до того, что он, мол, не за Россию и не за Украину, а за суд в Гааге. И там, значит, суд справедливо разберет каждый случай: россиян накажет за обстрелы гражданских в Украине, а украинцев – за все попадания по гражданским в РФ. Так, поясняет важный вонючка, всегда у нас в Гааге делается.

Я чуть свой ноут звуковыми волнами не расплющила, умоляя в экран:

– Уж ты скажи, родненький, сколько там точно людей наказано было в Гааге по поводу уничтожения города Дрездена, по факту бомбежек Берлина? Бог с ними, ты про ошибочно обстрелянную союзниками Прагу расскажи! Может, там в Гааге хоть извиниться кого-то заставили?..

Молчит вонючка, не отвечает.

Так что зря некоторые переживают, что я совсем необщительная стала. Общаюсь я много, все свободное время почти. Но только

с экраном, потому что ножек, чтобы встать и уйти, у него нет, так что никуда ему от такого общения не деться.

Впрочем, жажда доброго и светлого тоже никуда не делась. Поэтому подсаживаюсь иногда к дочерям, у которых на экранах чаще всего сериалы заморские сентиментальные. Минут пять посмотрю молча, а потом опять накатывает, прорывает – и я начинаю эти сериалы поверх дубляжа в голос дублировать.

Например, на днях мальчик маленький говорит своему сериальному папе:

– Пап, а я больше не хочу, чтобы ты был пожарным! Ты же можешь погибнуть! Бросай ты эту работу...

А папка у него такой красавец двухметровый, улыбчивый, слащавый до невозможности. Гладит сына по голове, умиляется и вещает пафосно:

– Понимаешь, сынок... Есть такие люди, как мы, пожарные, которые должны делать мир безопасным для людей. Мы приходим, чтобы спасти, спасти жизни, дома, города, ведь кто-то же должен это делать! Мы приходим туда, где нас ждут, где люди зовут нас со слезами... И я горд быть таким!

Мальчик рыдает. Папа едва не рыдает.

А у меня сам собой дубляж включается:

– Понимаешь, сынок... Я ведь – русский солдат! А мы должны делать мир опасным для людей. Мы приходим, чтобы уничтожать. Уничтожать и разрушать – жизни людей, их дома, целые города... И пусть нас не ждут, пусть люди прогоняют нас со слезами... Я горд быть таким!

Как на мой вкус, так сериал очень выиграл от такой озвучки. Но дальше было еще лучше.

Потому что дочь попросила меня перестать кривляться голосом русского солдата и дать послушать сериал. А там мальчик без всякой моей помощи сказал:

– Ох, пап, я когда вырасту, тоже хочу быть таким!

А папа снова погладил его по голове и объяснил гордо:

– А ты уже такой!

И они оба заплакали.

Гениальный сериал, если в правильном переводе.